

СЕРГЕЙ КУРГАН

АРТИСТЫ и КЛОУНЫ

роман

Сергей Курган

Артисты и клоуны. Роман

«Издательские решения»

Курган С.

Артисты и клоуны. Роман / С. Курган — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937666-4

Вы никогда не жили в актерской семье? А я жил и даже выжил. Хотите увидеть все изнутри? Гениальный папа, талантливая мама, одаренные дети и необычные друзья и родственники... Но все совсем не просто в такой семье. Бури эмоций, взрывы остроумия, игры интеллекта, а в общем, «сумасшедший дом переезжает»...

ISBN 978-5-44-937666-4

© Курган С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая: «ЖРЕЦЫ ИСКУССТВА»	6
Глава 1: «УСТАМИ МЛАДЕНЦА»	7
Глава 2: «СУТЫРЬ, ИЛИ СВЯТАЯ ПРОСТОТА»	19
Глава 3: «КТО СИДЕЛ В БОЧКЕ?»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Артисты и клоуны

Роман

Сергей Курган

Фотограф И. С. Ковальчук

© Сергей Курган, 2018

© И. С. Ковальчук, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4493-7666-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Короче, играем мы премьеру. Всё готово: актеры все на месте, костюмы, реквизит – помреж все тщательно проверила. Первый акт уже подходит к концу. Ну, думаю, гладенько все идет. Беру письмо со стола, поворачиваюсь к партнеру, чтобы зачитать ему письмо, а Волкова нет... Ищу, где он может быть. Нет его нигде. Зову, никто не отзывается. А спектакль идет – надо импровизировать. Чувствую себя, как в страшном сне: проговорил все реплики и за себя, и за него. В общем, продержался как-то до антракта.

А в антракте выяснилось: забыли сценический люк закрыть, и бедный Волков в него провалился... *C'est dur, la vie d'artiste.*¹

---

¹ Нелегка жизнь артиста. (фр.)

Часть первая: «ЖРЕЦЫ ИСКУССТВА»

Глава 1: «УСТАМИ МЛАДЕНЦА»

– Гаворыць Мінск! Сем гадзін. Перадаем апошнія паведамленні.²

Нарочито-бодрый радиоголос врывается в пространство кухни и сразу же заполняет его. Сначала он делится радостью по поводу того, что зернобобовые собраны на тысячах гектаров и засыпаны в закрома Родины. Потом, глубоко удовлетворенный тем, что в колхозах все в порядке, голос с энтузиазмом переходит к международным новостям. Будто делясь чем-то сокровенным, он доверительно сообщает, что состоявшиеся переговоры прошли в обстановке полного взаимопонимания и в духе братского сотрудничества.

Эх, если б хотя бы немного этого взаимопонимания, куда уж там полного – хотя бы частичного – да живущим в этом доме...

...Утренний свет уже заливает кухню, в которую заходит Бабка, Мария Степановна, – и начинает снова: зажигает плиту, ставит чайник, делает бутерброды. Потом выставляет на стол тарелочку, сметану в стаканчике-стопке и только что приготовленные бутерброды, и, наконец, торжественно водружает в центр этого ансамбля стакан в подстаканнике. Натюрморт (живущий в этой квартире Саша любит говорить «натюрморда») готов. Главное место в композиции занимает, несомненно, ажурный стальной подстаканник, точно так же как и центральное место в душе Бабки занимает тот, кто пьет из него. А из такой посуды пьет в этом доме чай только один человек, и именно его пришествия в кухню ожидает Бабка. Поскольку это может произойти в любой момент – с равной вероятностью это может случиться и через час, и сию минуту – Бабка постоянно настороже и периодически выглядывает в коридор – не идет ли дорогой Вова, которого более всего любит ее сердце.

Вообще-то, любит она в этом доме лишь троих: нет, разумеется, не мужа («чурбана с глазами»), и не дочь, к которой она относится довольно прохладно. И, уж тем более, не зятя – этого «профессора кислых щей». Любовь ее и забота простираются только на внуков, ради которых она, собственно, и живет тут – в далеком и не совсем понятном ей Минске – за тысячу с лишним километров от ее родной Волги...

В кухню входит Мать троих детей – дочь Марии Степановны, Ирина. Сорокалетняя блондинка, все еще сохранившая привлекательность и обаяние, она давно уже оставила свою профессию актрисы и работает теперь режиссером музыкальной редакции на радио. Сама она в минуту веселого настроения называет свою профессию «реже сёр – чаще сёр».

Она по-деловому ставит на стол свое зеркало и начинает красить ресницы, отодвинув стакан и остальное в сторону. О святотатство! – Бабка отодвигает зеркало и ставит стакан обратно на его «законное» место.

– Ты чего тут уселась, как у праздника? – говорит она дочери, сильно «окая» – с волжским акцентом, – Сейчас Вова придет, ему поесть надо.

– Но, мам, он же еще не встал, – отвечает Мать, ставя зеркало обратно, – Он еще час в постели проваляется.

– Неважно, – Бабка убирает зеркало и вновь ставит стакан на место. – Может, проваляцца, а может, нет. Что, нельзя ему, что ль?

Она выглядывает в коридор – не идет ли Вова.

– Мам, но его ж все равно пока нет. Я подкрашусь и уйду.

---

² Говорит Минск! Семь часов.. Передаем последние известия. (бел.)

– Он щас придет. Ты его место не занимай.

Они продолжают, как автоматы, переставлять стакан туда-сюда, ведя при этом разговор. Мать предпринимает последнюю, слабую попытку завершить, все-таки, свой утренний макияж там, где ей удобно, и вновь отодвигает подстаканник.

– Но здесь же против света... – вяло возражает она, – Не видно ничего.

Но это уже так – по инерции.

Бабка, чуя победу, триумфально возвращает Вовин подстаканник в центр любовно сооруженной композиции и дает, наконец, выход своим чувствам:

– Ребенку поесть надо, совсем он худой, несчастный. Пришел вчера, бедный, как не в себе. Совсем его эта стерва носаста замучила.

– А чего по крышам среди ночи бегать? В окна заглядывать? – хриловатый мужской голос – голос многолетнего курильщика – доносится еще из коридора, но с каждым мгновением приближается, и с завершающими словами в кухне появляется Дед, Борис Сергеевич.

Это мужчина лет шестидесяти пяти, худой и по виду словно изможденный, с совершенно седой, но густой шевелюрой, с выпирающим кадыком и с пальцами, пожелтевшими от курева. Разговаривает он тоже на волжский манер – «окая», но легонько: его речь, хотя и сохраняет колорит, в общем правильная, гладкая. Чувствуется образование. Зайдя в кухню, он тут же закуривает «беломорину» (здесь вообще курят папиросы «Беломор») и, гася спичку широкими качаниями правой руки, продолжает свою мысль:

– Подумаешь, какая разница, погасили они свет, или не погасили? Мужик он, или нет? Другую найдет, мало их, что ль?

У Бабки эта, как представляется Деду, вполне резонная мысль вызывает возмущение.

– Ты не говори, чего не понимаешь, чурбан с глазами, – зло бросает она мужу. Но он не «заводится» и не огрызается, а только легко вздыхает и совершенно беззлобно, словно жалея жену, произносит:

– Ну чего ты такая злая... Мария?

Поистине, Дед – человек голубиноного нрава. Весь в своего отца – сельского приходского священника Отца Сергия...

Риторический вопрос деда повисает в воздухе.

Тем временем Мать пытается краситься на другом месте, ей неудобно, но она терпит.

– И что за девка така? – внезапно изрекает Бабка. – Глядеть не на что. Ни сиськи, ни письки. Тьфу ты! —

– Мам, – одергивает ее дочь, – ну что ты такое говоришь, да еще громко. Он же услышать может.

– А че я такого сказала? Баба должна быть в теле.

– Какой там в теле? Мам, да ты на него самого посмотри. Глиста форменная.

– А че ему? Он же мужик. А мужик от крокодила отличацца, и хорошо.

– Отличается в какую сторону?
– Не поняла.
– Ну, в лучшую или в худшую?
– Да ну ты! – Бабка делает отмашку рукой, словно отгоняя назойливую муху, и вновь выглядывает в коридор.

Дед усмехается, а затем произносит нечто удивительное:

– Нон фигура вáлет, сед а́нима! – чеканные и изысканно-строгие звуки латыни на фоне предыдущей беседы звучат совершенно сюрреалистично. Как всегда в таких случаях, Бабка злится:

– Чего-чего? Ты чего там «келе-меле» опять свое бормочешь?
– Это не «келе-меле». Это по-латыни: «Не лицо важно, но душа».
– Да кака там душа? В чем она держаться-то будет?
– Да ладно тебе, мам, дурь пороть, – вмешивается Мать. – Парень добрый, хороший. Ему бы нормальную бабу, а эта крутит им направо и налево. А он за ней бегаёт, как хвостик. Извелся весь.

И в этот момент раздаются из ванной громкие фырканы и сморкания. Бабка презрительно комментирует:

– О, этот еще сейчас придет. Профессор кислых щей.
– Ну, мам..., – укоризненно смотрит на нее дочь.

Дверь ванной с шумом открывается, и звучат торопливые шаги, словно по коридору пробежало небольшое стадо бизонов, а вслед за этим внезапно взрывается громкий, как труба, великолепно поставленный, роскошный голос, который нарочито бодро выпаливает:

– Ух, ты! – сказали рабята! – эта радостная декларация сопровождается оглушительным хлопком в ладоши.

Бабка опирается рукой о стол и демонстративно отворачивается к окну как раз в тот момент, когда в кухню вбегает Илья – Отец семейства – рослый, крупный мужчина лет сорока пяти, уже с лысиной и брюшком. Он еще пребывает в процессе одевания, который, по своему обыкновению, совершает на ходу, поэтому он в брюках, но пока что в майке – «алкоголичке», однако уже тщательно выбрит. Подбежав к плите, он трогает чайник, и на лице его возникает выразительная гримаса досады – «не горячий!»; он торопливо зажигает соседнюю конфорку газовой плиты и ставит чайник на нее. У Бабки открывается рот.

– Да я ж его только сняла, – удивленно произносит она.
– Я... привык пить... *горячий* чай, – отвечает зять с непередаваемым сарказмом. – Нормальный кипяток.

Отчеканив свой «ответ Чемберлену», он убегает из кухни. Теща пожимает плечами и, вновь отворачиваясь к окну, пренебрежительно бросает:

– Какой там чай? Кобыльи ссаки.

Присутствующими этот комментарий принимается без возражений.

Внезапно Дед заявляет:

- Мяса хочу, мяса!
- Яйцо со сметаной поешь, сыру возьми, – предлагает Бабка.
- *Мяса* хочу, мяса, – упрямо повторяет Дед, делая ударение на слове «мяса».

На этот раз ему отвечает дочь:

- Пап, я отрежу тебе колбасы.

Она идет к холодильнику, открывает его, приседает, заглядывает внутрь, встает опять и поворачивается к Бабке.

- Мам, а где колбаса?

– Как где? Кончилась. Еще вчера съели. Да тут ребята Вовкины вчера днем приходили, на гитаре играли, я им дала, чего было.

В этот момент опять прибегает Отец – уже в рубашке. Он не ходит, а именно бегаёт по дому, от него исходит поток клокочущей энергии. Он все время охвачен буйной, но несколько нарочитой активностью – словно он подключен к электростанции. Он в очередной раз хлопает в ладоши и взвинченно-бодро, с «посылом» восклицает:

- Бенц! Кипяточек готов!?

Он ищет вчерашнюю заварку, доликает ее в чашку, лезет в холодильник, достает оттуда масло, паштет, огурец.

А тем временем на арене событий появляется новый персонаж. В кухне уже и так не протолкнуться, но новоприбывший занимает совсем мало места: это младший из внуков – Сережа.

Ему восемь лет, и это – ушастое существо с большими выразительными глазами с «поволокой», которое по большей части пребывает в состоянии более или менее глубокой задумчивости.

Бабка реагирует немедленно: в ней словно кто-то повернул рубильник, переключив ее в другой режим. Она всплескивает руками и начинает суетиться.

– Ой, уже встал! – восклицает она. – Я те щас солдатиков сделаю! – и тут же начинает резать бутерброды с сыром мелкими кусочками – «солдатиками».

Ответ Сережи стандартен и предсказуем, как армейский Дисциплинарный устав:

- Не хочу! – произносит он – впрочем, как-то вяло, похоже, просто «для порядка».

Отец, глядя на него, одобрительно смеется, его глаза лучатся благожелательностью, а на лице расцветает улыбка: ушастое существо вызывает у обеих враждующих сторон поразительно схожие чувства.

– Сергей Ильич, не плачь не хнычь! – произносит Отец с размягченной, немного глуповатой интонацией, какой часто взрослые разговаривают с детьми, и тыкает тыльной стороной ладони ребенку в нос. Сережа стоически терпит это. А, может, он этого просто не замечает? Похоже на то, что он сосредоточенно думает о чем-то и отвечает автоматически, по необходимости.

– В принципе, мне достаточно компота, – сообщает он: просто в порядке информации. До взрослых это все равно не дойдет, но кто знает? Может, в этот раз что-то, наконец, изменится...

Отец одаривает и этот перл благодушной улыбкой. Бабка, демонстративно не замечая этого, пытается переключить внимание Сережи на «солдатики», которых она успела нарезать:

– Смотри сюда, – говорит она. – Вот они уже пошли. Вот полковник, а это генерал. И все пошли, пошли...

Отец смотрит на тещу скептически – улыбка его увядает.

Переключить внимание Сережи на еду не удастся: он по-прежнему погружен в себя и лишь крайне неохотно, словно смирившись с неизбежностью, начинает жевать ближайшего «солдатика».

– Я вам всем сейчас яйца всмятку положу, – Мать решает подключиться к суете вокруг ушастика.

Она вынимает из кастрюли ложкой яйцо, затем второе, после чего кладет их на тарелки и ставит себе и перед Сережей. К ней подбегает Отец. Предупреждая дальнейшие действия жены, он для себя достает специальную подставку для яиц, ставит яйцо в нее и нравоучительным тоном произносит:

– Люблю все делать хорошо!

Он тянется за чайником, желая долить себе чая, и задевает подставку, переворачивая яйцо, которое падает на пол и разбивается. Мать смотрит на мужа и с потрясающим сарказмом, с наигранно-серьезным видом повторяет:

– Люблю всё делать хорошо! – И добавляет: – Лучше и не скажешь!

Здесь должен был бы, по идее, последовать всеобщий веселый смех: мало того, что Отец так окончился, так ведь это еще история с предысторией...

Как-то раз, на заре совместной супружеской жизни, Отец уже попал в точно такое же положение: увидев, что батон белого хлеба лежит у жены в авоське просто так, ни во что не завернутый, он возмущенно отчитал супругу и, взяв газетку с намерением завернуть хлеб в нее, потянулся за батоном, назидательно и с неподражаемым апломбом («делай, как я!») произнес именно эти слова:

– Я люблю все делать хорошо!

После чего батон, выскользнув у него из рук, со смачным хлопанием шлепнулся в грязь. И вуаля! – очередной дубль сцены наступания на грабли! (А сколько дублей еще впереди...)?

Но смех так и не раздастся, поскольку смеяться некому: Дед не расслышал. Он сидит в самом углу у окна и отрешенно курит, старательно выдувая дым в форточку и думая о чем-то своем, к тому же, он слегка глуховат. Бабка, может, и посмеялась бы – надо же, в какое глупейшее положение попал нелюбимый зять! Но чувство юмора среди ее добродетелей (а они у нее есть!) не фигурирует. А Сережа еще слишком мал, да и не знает предыстории... Да и вообще, похоже, как это часто с ним происходит, он находится в «отключке» от окружающего и пребывает, на самом деле, совсем не здесь – в этом миниатюрном сумасшедшем доме, а... Кто знает?

Может быть, в средневековой Франции, а возможно, на берегу юрского моря? По-любому – далеко...

Отец смущенно покашливает, разводит руками и присаживается есть бутерброды.

– Ну, сегодня я буду .....без яйца, – произносит он так, словно корона на его голове даже не шелохнулась.

Мать, усмехаясь, убирает с пола бранные останки.

Внезапно «просыпается» Сережа:

– А от Земли до Луны 384 400 км, – заявляет он (так вот о чем он думал!), – и Луна в четыре раза меньше Земли по диаметру. А Солнце вообще в 109 раз больше Земли и в 333 000 раз больше ее по массе.

Оппонирующих выступлений не следует.

– Дипломные на носу! – начинает Отец любимую арию про свою работу в театральном институте. – Всё, мы переходим на сцену. И, итить-твою – он хлопает себя по лбу, – как всегда, она занята! Что я могу сделать?! Не знаю!

Он поднимается до патетики:

– Не знаю!!! После киностудии побегу в институт. Студенты будут сидеть на мастерстве у Булдакова, потом на сцендвижении. После этого, может быть, *может быть!* – мы попробуем порепетировать на большой сцене.

Супруга патетикой не проникается, хотя знает, что сцена одна, а студентов много.

– Так, опять на ночь в институт? – спрашивает она недовольно. – И, конечно, с Шуриком, с Юрой? Заседание кафедры? Обсуждение?

– У меня экзамены на носу. Разве ты не понимаешь? Меня там, на кафедре, сожрут, если что.

– Ай, ну ладно. Всегда все успеваешь. В первый раз, что ли? Ты с Орловым работал.

– Ирочка, если бы все было так просто! Его уже нет, а на кафедре – ой, ты знаешь! Там же теперь ...! – он делает страшные глаза, разъяренно вдыхает носом и отчаянно машет руками.

– Ну да, террариум единомышленников. Да плюнь ты на них! Тебе какое дело? Ты ж работу делаешь!

– Ирина, можешь себе представить, подходит ко мне Судакова, эта ядреная замдекана, и предлагает мне анкетку – мол, заполните ее – сколько студентов у вас способных, а сколько талантливых?

Мать вынимает папиросу изо рта, который широко открывается.

– Что, прямо так и написали? – спрашивает она после краткого ступора. – Талантливых?

– Да, милая! И это я должен заполнить и сдать. Отдать ей в руки. Она что, совсем уже ...?!

– А зачем ей это надо? Это им откуда-то принесли?

Отец иронически умиляется – зарядом сарказма, звучащего в его интонации и светящегося в его взгляде, можно убить слона. Нет, стадо слонов.

– Не-ет, – отвечает он, – они сами составили, додумались! Сведения «наверх» подавать будут. ...И что я должен там написать?!... Ну что?

Он воздевает руки к небу, словно призывая Бога в свидетели прискорбной человеческой глупости. И его драматический «вопрос без ответа» находит отклик благодарного слушателя:

– Ну, они у тебя, Илья, совсем опупели! – комментирует Дед.

– Напиши, ... что у тебя все будут гениальными артистами через 20 лет, – советует жена. – Пусть проверят.

– Твой потрясающий юмор!

– А когда у тебя экзамены на 3 курсе?

– Десятого! Когда я все успею?

– Ой, не дури голову. Есть еще полтора месяца.

– Это всего ничего! Хрен собачий! Времени – с гулькин нос. Я же не могу себе позволить быть хуже кого-то еще! Это же я экзамен сдаю, а не студенты. У нас же все не как у всех нормальных людей!

– Илья, – втискивается в этот драматический монолог дед, – ты бы мне «Беломор» купил в магазине возле радио. В нашем вчера не было.

– Борис Сергеич, я *вам* куплю. Даже если я сдохну. Я найду время. Сколько пачек Вы хотите?

– Четыре. Да, ладно, Илья, ты не беспокойся, если не сможешь. Я понимаю – работы много.

Дед уже жалеет, что напряг своего трудягу-зятя. «Мужик вкальвывает, устает», – говорит теще о нем. Когда, после нескольких работ, вымотанный и в добром подпитии («расслабился мужик – выпил каплюшку») зять сидит в прихожей, кляня носом, теща заглядывает ему в глаза и участливо спрашивает: – Голубь! Тебе плохо?!

– Борис Сергеич, работы – по горло! – Отец действительно проводит рукой поперек кадыка. – Вы меня понимаете – вы всю жизнь вкальвали. Вот сами подумайте: я должен и на радио читать – и в эфир, и на записи бегать, а потом еще и киностудия. А у них – бес его ведает, когда все начнется, не то, что закончится! А институт? А студенты, которые без меня не могут – им нужно объяснять, показывать. С ними нужно выкладываться на полную катушку, чтобы они что-то сделали, что бы они разобрались, твою маковку, что они читают, что они играют. И они меня ждут. И я с каждым, как ишак, тяну. Ведь из него может быть артист, вы понимаете, *артист!* И я мотаюсь, как проклятый, потому что – ... Это *нельзя* объяснить словами!!! У меня со студентами отношения... – просто *патологические!*

– Это в каком же смысле? – уточняет жена.

– Ну, *ты* же понимаешь!

– Ну-ну... Так ты сегодня поздно придешь? Мы опять с тобой вместе в мебельный не сходим. Мы же хотели шкаф посмотреть. Что, мне одной идти? Мне самой покупать? Хорошо. Я сама все куплю. Папа, папиросы я тебе тоже сама куплю.

– Ну, какой шкаф, Ира?! Сходим на следующей неделе.

– Ага, в следующем тысячелетии...

И в этот момент она вспоминает всё: и как они не сходили на прошлой неделе, и как они не сходили в прошлом месяце, и как она сама холодильник покупала без него, как они телевизор полгода выбирали, как он ей обещал договориться с ремонтом стиральной машины и не сделал ничего. На родительское собрание ни разу в школу не сходил... Да, собственно, почти ничего не сделал – из того, что она планировала, на что рассчитывала. Рассчитывала... как дурочка, как будто не понимала, что всё это – полная безнадега...

– Толку от этих мужиков никакого, – с горечью и злостью высказывает она наиболее болезненное. – Ерунду, и ту не могут нормально сделать. Трепологии только на час. Ничего им поручить нельзя. Одно самолюбование. На что они вообще нужны?

Для нее, естественно, это просто риторический вопрос. Но у Сережи ответ есть:

– Но, мама, кто бы тебя тогда оплодотворял? – спрашивает дитя.

На какое-то короткое время воцаряется глубокая тишина, а вслед за этим Мать, почувствовав внезапную слабость в ногах, садится на табуретку и, заведя глаза к потолку, начинает мелко трястись – вначале тихо, но затем ее прорывает, и она уже безумно хохочет – согнувшись почти вдвое, давась и задыхаясь от смеха: она и плачет, и стонет. Неизменная «беломорина» выпадает у нее из пальцев.

Из головы у нее моментально вылетает злость, обида, чуть не до слез душившая ее еще пару минут тому назад. Она, конечно, ничего не комментирует – во-первых, поскольку высказывание дорогого чада и не нуждается в комментариях, а во-вторых, потому что, даже будь они у нее, она просто не в состоянии была бы их проговорить.

Отец вначале краснеет, вид у него, надо признать, довольно дурацкий. Но через какую-нибудь минуту он, в свою очередь, начинает тихо вздрагивать, не открывая рта, прикрыв глаза до щелочек – в пароксизме тихого хохота. Наконец, его тоже прорывает, и он несколько раз прыскает губами, отведя глаза к окну и подперев голову рукой.

Взаимное недовольство и тяжелая напряженность, только что густым чернильно-черным облаком висевшая в кухне, волшебным образом улегучивается. Но «виновник» этого чуда не понимает, в чем дело: почему взрослые даятся от смеха? – Разве он сказал что-то смешное? Он просто уточнил, внес ясность. Объяснил им то, что они и сами должны бы понимать, но... Вечно им приходится что-то объяснять! Он уже все реже и реже спрашивал взрослых о чем-нибудь – всё равно вразумительного, четкого и ясного ответа, скорее всего, не дождешься. Так, пробурчат что-то неопределенное. Поэтому Сережа взял себе за привычку ответы на все свои вопросы искать в книгах. И они там были! Вот и тут: он совсем недавно прочел в энциклопедии статью об оплодотворении.

Мальчишки в школе всё подначивали его, намекая на какие-то особенности процесса размножения – тайные, запретные. Только для взрослых. Якобы об этом нельзя говорить, потому что «за это наказывают». Но они всё равно об этом говорят – с ужимками, подмигиваниями и всё такое. – Не знаю, – подумал Сережа, прочтя статью (и, как всегда, тщательно отложив ее в памяти), может, их – дурней и лупят отцы – наверное, есть за что. Но по-моему, тут нет ничего такого особенного: надо же как-то размножаться! А большинство животных размножаются именно половым путем, и это понятно – так лучше для потомства: оно получает полезные признаки от обоих родительских организмов. Вот и всё. И ничего тут нет запретного – об этом открыто пишут в энциклопедии – и без всяких глупых намеков, точно и подробно. Нужно

только потрудиться взять с полки такой привычный толстый том – тот из томов, что на нужную букву. И ничего тут нет смешного – в научных описаниях никогда нет ничего смешного.

Бабка, никак не реагируя на хохот, перебивает мысли Сережи:

– Да ты ешь солдатиков-то, ешь, – настойчиво повторяет она. – Ох, всегда одно и то же! Со вздохом смирения Сережа продолжает свой подвиг стоицизма – и берет очередного «солдатика». Когда же они закончатся?!

Внезапно спохватившись, Отец стучит себя ладонью по лбу:

– Так, всё. Без двадцати пяти. Я должен убежать. Я вечно должен бежать. Мне некогда! Мне работать надо! Мне в эфир читать!

– Пф! Кака там работа! – пренебрежительно замечает теща. – Поговорил, и всех делов!

Отца охватывает гнев.

– Что вы понимаете?! – в бешенстве кричит он. – Я бегаю, вкалываю. Мне в десяти местах надо быть одновременно!

Ну естественно, она не понимает! Именно, что не понимает – и откуда она может это понимать? Она далека от этого, как от Луны. Она – портниха, дамская портниха. Хорошая портниха – когда-то в Куйбышеве у нее было немало заказов – у нее шили охотно. Во время войны она шила обмундирование для генералов, а после войны обшивала их жен. В ее понимании работа – это что-то материальное, то что можно потрогать, взвесить, съесть. Вот сшить что-нибудь или испечь, или даже пельмени слепить – это работа. Вот она всю жизнь работает – шьет, варит, убирает. Все время чем-то занята, и здесь, в Минске, тоже: семья большая, всех надо накормить, обстирать, да много еще чего – зять-то этим не занимается. У него дома никаких обязанностей нет – он на работе «пропадает». А что это за работа? Говорит да говорит. Она чуть не каждый день слышит его по радио. Стихи какие-то читает, да новости с бумажки. Нешто это работа? Вот ее отец, Степан Семеныч, был мебельным мастером, краснодеревщиком. И какую мебель он делал! Загляденье! Потому, понятно, и зарабатывал хорошо. А этому вон сколько платят. А за что? За то что языком мелет. Да здесь, в доме, все с утра до ночи языком мелят – и что? Нам за это платят?

Так она на это смотрит. Да, она не совсем права. А местами даже – совсем не права. Но так на это смотрят 80 процентов населения, – то есть, собственно, народ. Тот самый народ, о котором интеллигенция, и Отец тоже, так любит порассуждать. В романах почитать – и повосхищаться. Они народ уважают, они его понимают. На картинке. А вот он, народ, так сказать, в натуре – прямо у тебя под боком – и где понимание? Может, не стоит беситься и трясти кулаками, а объяснить что-то спокойно? Уважить тещу? Поговорить с ней по-родственному? Похвалить за что-нибудь? Ведь есть за что! Она ведь дом тянет. Так поговори – вдруг поймет? А если и не поймет, то всё отношения получше станут, а? Что если попробовать быть попроще? Снизойти?

Ты умный, знающий, образованный – так сделай первый шаг. Она на твой уровень подняться не может, – так спустись к ней. «Сходи в народ». Не надо, как граф Толстой, ходить босиком и в косоворотке, да веревкой подпоясываться – так «в народ» ходить не нужно, не от ума это. А просто прояви уважение к тому, что она делает. Да, она не знает, кто такой Шекспир, это верно. Но ей это и не нужно! Не всем это нужно – знать Шекспира: они без этого жили всегда, и дальше спокойно проживут. Да, им непонятны будут метания Гамлета – если им об этом рассказать. Они сочтут, что он, извиняюсь, с жиру бесится. И будут, кстати, по-своему правы. Ну, не дано им понять! Зато они умеют многое такое, чего не умеешь ты: печь, шить,

строить и многое другое. Они нужны обществу никак не меньше, чем ты (а, может статься, и поболее). Просто они живут на другом уровне, и это – очень важный уровень.

Но нет: апломб и характер не позволяют снизойти. Да и у нее тоже – характерец еще тот! Так и уперлись оба рогами... А ведь можно было бы общий язык найти – было бы желание, добрая воля, но куда там! Вот и продолжается коррида.

– В 8:30 у меня эфир, в 9 запись у Соньки Сурич, – зять поднимает глаза к потолку, – ёппрст! Потом я бегу на киностудию. И хрен знает, сколько я там проторчу, а в пять – у меня уже индивидуальные в институте! А потом я притащусь домой, если не сдохну. И... вот это..., – он скрипит зубами, – А завтра заседание кафедры! Мне посрать некогда!

– Выпить и закусить-то время всегда есть. – не унимается теща.

– Вы... Вы!... – он не находит подходящего слова, для того чтобы охарактеризовать тещу, и лишь взбешенно трясет кулаками. Его душит гнев. Наконец, сорвавшись с места, он, топая, убегает из кухни.

– Мама, ну что ты такое говоришь? – упрекает Бабку дочь.

– А че, вчера трезвый был что ль?

– Ты, правда, Мария, чего к Илье привязалась? – подает реплику Дед.

– А ты помолчал бы, немила харя, тебе-то он тоже наливает, глаза б не видели.

– Ну, чего разошлась, подумаешь, какое дело! Мужик с работы, устал. Что, он выпить каплюшку не может? Ох, Мария, и чего ты такая злая? Ну, выпили самую малость.

– Малость? Две «чекушки»? С утра уж зенки-то налил, а потом еще добавил. Мало тебе! Ему-то чего – он двужильный. А ты? – Бабка делает отмашку рукой.

Дед, крякнув с досадой, выходит.

И в этот момент – совершенно неожиданно – входит Вова. Бабка всё утро поджидала его, всё время была начеку, и надо же! Как раз когда она на минуту забыла об этом, ребенок пришел. Заболтали ее эти немилы хари!

Двадцатичетырехлетний «ребенок» явно не в настроении – он недоволен и сильно раздражен.

Бабка, всплескивая руками – что у нее предвещает очередной приступ активности, начинает бурно суетиться:

– Ой, Вова! Садись скорей, я сейчас яйцо сварю, а пока бутерброды поешь.

– Бу-тер-броды... – произносит Вова, кусая ногти, с выражением вселенской скорби и одновременно бесконечного сарказма. – А цианистый калий у тебя есть?

– Какой такой калий? Нету. – Бабка обеспокоенно оборачивается к дочери: – Ирин, а где его взять? Я сегодня на базар иду.

– Мам, это не еда, – объясняет Мать, – это Вова так шутит.

Она подходит к сыну и, глядя его по голове, успокаивающе говорит:

– Не переживай, все пройдет, воспоминания только и останутся.

– Как это не переживай? – взвизгивает он. – Она ушла, понимаешь, она ушла?

– Вернется, все будет хорошо.

– И почему я маленьким не умер? – произносит Вова, глядя в бесконечность. Жизнь разбита, всё кончено...

Но Мать, увы, не может себе позволить и дальше предаваться с Вовой мировой скорби – у нее, на минуточку, есть еще дела...

– Мам, вот тебе деньги на продукты, – возвращается она к прозе жизни. – Я в буфет на работе зайду, если будут сырочки, то возьму. Давид должен привезти 20 кг капусты. Пусть на балконе поставят, потом разберемся. Все я пошла.

И с этими словами она уходит.

А в кухне «продолжается бой»: Сережа стоически пытается доесть «солдатики». Но силы и терпение его уже на исходе. Ему кажется, что больше от него уже просто невозможно требовать. Но Бабка, преданная своему долгу кормления до полной победы, непреклонна:

– Ты должен доесть до конца, – говорит она ему. – Че осталось, надо доесть – это твоя сила!

Сережа любит бабушку, но как же она назойлива! Что с ней делать?

– Я уже наелся, – объясняет он. – Больше не хочу. И вообще, я ничего не хочу, совсем ничего.

– Хошь-не хошь, а кушать надо! Совсем худой будешь – помрешь! – она в ужасе спохватывается. – Ой! Да че я тако говорю-то, дура старая? Доедай, доедай. Один генерал остался.

– Я не хочу есть генерала, и вообще, зачем их есть?

– А чего ты хочешь?

– Я не знаю... Селедку и водку.

– Наверное, это вкусно, – думает он, вспоминая, как Отец недавно, когда у них были гости, сказал: «Водка и селедка – это гениально! И просто, как всё гениальное...». А эти «солдатики»... Сережа не хочет произносить плохое слово – даже мысленно, но оно так и крутится в сознании. – Эти бутерброды, – продолжает он свою мысль, – они, как вата, никакого вкуса!

– Сорок человек на сундук мертвеца, и бутылка рома, – глядя на брата, иронически комментирует Вова это «меню».

Этого Бабка не понимает, но водка... Только этого и не хватало!

– Батюшки! – восклицает она, обращаясь к Сереже, – Водку не надо тебе. Это така дрянь. А селедку я те приготовлю.

– Марусь! – произносит Вова (так он, а вслед за ним и Саша, любят называть Бабку) – Слышь, Марусь! А мне приготовь яду змеиного. Чай, есть у тебя.

В этот момент его прорывает, и он ревет в голос:

– Не могу я больше! Почему всякие говноеды все могут иметь, а мне нельзя?

– Да ты че, Вова? Плюнь ты на девку эту!

– Ты опупела, да? Я его... Нет, я себя... – он сжимает кулаки.

Бабка не совсем понимает. Она обеспокоена, и даже напугана. Просительным тоном она обращается к внуку:

– Ты бы яичко съел.

– Отстаньте от меня! Яичко! Ха-ха-ха! – Вова начинает истерически хохотать, – Я неправильно сделанный? Я зеленого цвета, да? Он с ней спит, а я яичко ем. ... Гляжу – артист! Подхожу ближе – клоун!

– Яйцо-то холодное будет.

– Яйца полезны для здоровья! Кушайте яйца! – с воплем Вова швыряет яйцо всмятку в Бабку. Она успевает увернуться. Яйцо разбивается о стекло буфета. Вова в отчаянии убегает из кухни.

Бабка сидит какое-то время молча – в ступоре, а затем – удрученно и в недоумении тихо произносит в пространство:

– И чего я так сказала?

Глава 2: «СУТЫРЬ, ИЛИ СВЯТАЯ ПРОСТОТА»

Ясный зимний день, легкий морозец. Снег искрится на солнце тысячами мелких искорок – словно кто-то рассыпал неисчислимое множество крохотных осколков стекла, так что глазам больно.

Дед и Сережа гуляют. На Дede зимняя шапка- «пирожок», на носу – очки. Из-за пазухи виднеется белая головка «чекушки», засунутой во внутренний карман старого заношенного пальто с меховым воротником, давно «польсевшим» и потерявшим вид. Это пальто он привез еще из Самары. Тьфу ты! Из Куйбышева. Дед вздохнул: как давно он уже не был дома! И побывает ли еще? Это под большим вопросом – здоровье что-то в последнее время стало сдавать.

Сын приходского священника из села Кременки Симбирской губернии, он в свое время учился в духовной семинарии, собираясь пойти по стопам отца – и почти закончил ее. Но тут – 1917 год, большевики... Э-эх, да что говорить! Семинарию закрыли. Дед хотел было поступить в университет – на любимую математику, но он был сыном священника – как там? «Чуждое социальное происхождение» – надо же как завернули! Так и пришлось поступить на курсы бухгалтеров. Бухгалтеры – они всем нужны. -Что-то меня потянуло на воспоминания – расклеиваюсь я, – думает он и усмехается. – Чай, не мемуары писать...

– Дед, а что такое «сутырь»? – неожиданно спрашивает Сережа.

Ну и вопросы он всегда задает! Но настроение сразу поднимается – Дед улыбается, ему становится смешно, и он смеется сиплым прокуренным хохотком.

– А ты где это слышал-то?

– Это ты говорил: Мария, ты мне сутырь сделай!

– А она чего?

– Кто?

– Мария, – Дед спохватывается: – Тьфу ты! Бабка твоя!

– Она сказала: «Да ну ты, дурень старый! Кто ж его будет есть? Разве ты с Ильей? Нормальны люди такое не едят». Почему она так сказала? Вы что, ненормальные?

Дед смущен, чтобы выиграть время для ответа, закуривает «Беломорину». Молчит. Да и что тут ответишь? Ох Мария! И что за человек? Она не всегда была такая. Или всегда? Да нет, она была лучше. Это от старости, от нездоровья. Сердце у Марии начало серьезно барахлить... Вот в чем дело, – верный себе, Дед старается не думать ни о ком плохо. Но что парню-то сказать?

– Так почему она так говорит? – Сережа упрямо повторяет вопрос.

– Вот и всегда он так, – думает Дед. – Любознательный, – так Дед это трактует.

Родители же считают, что он занудный – ни за что не откажется от вопроса, будет повторять его до бесконечности, пока не добьется хоть какого-то ответа. Не понимает, что раз не отвечают, значит, надо отстать. Или делает вид, что не понимает.

Но сам Сережа это занудством не считает. Он резонно полагает, что если знаешь ответ на вопрос, то и ответь. Если не уверен, то скажи, что не уверен – и ответь неуверенно. А если

не знаешь, тогда так и скажи – «не знаю». А так – ни то, ни сё – это неправильно! Вот Дед лучше – он всегда старается ответить.

Дед прерывает, наконец, свое молчание – надо же что-то отвечать!

- Да мало ли чего она болтат? – говорит он. – Ты ее больно-то не слушай. Шутит она так.
- По-моему, она не шутила. Она вообще всегда говорит серьезно.
- Дурь всяку тоже можно говорить серьезно. Язык-то без костей, прости Господи!
- А у других есть кости в языке?
- У других есть, только у нее нету.

Дед смеется.

Сережа смотрит на него недоверчиво, о чем-то думает.

- А все-таки, что такое «сутырь»? – упрямо возвращается он к первоначальному вопросу.
- Ну, это когда все подряд в миску побросать, а потом перемешать, – Дед делает руками вращательные движения, «перемешивает».
- А что «все подряд»?
- Ну, чего под руку попадется.
- Это салат?

Ну вот еще! Салат... Дед смущен – как это объяснить?

- Да нет, не салат, – отвечает он. – Это вроде как...

Он задумывается.

- И это едят ненормальные? – задает Сережа следующий вопрос – просто спрашивающая машинка! Ну что на это можно ответить..?
- Санкта симплицитас! – вырывается у Деда.
- Это по-латыни, да? Что это значит?

Ох и сообразителен внук! Дед одобрительно гладит его по голове, на которую надета зимняя меховая шапка с завязанными «ушами».

- По-латыни, – подтверждает он. – Умный ты, Сережка. Языки учить будешь. Это значит «святая простота».
- Это ты про меня?

Дед улыбается и вновь гладит внука по голове.

- А Мария? – опять спрашивает Сережа.
- Ну кака она тебе Мария? – смеется Дед. – Бабка она твоя. Это мне она Мария.
- А бабка? Она тоже «санкта симплицитас»?

Ох, ну и вопрос!

- Давай лучше о чем другом спроси.

О другом? Ну хорошо... Сережа думает. А, ну да!

– А что такое «гутта кават лапидем»? – спрашивает он.

– Ну и память у тебя!

– Да ты же все время это повторяешь. И в школе в гардеробе, когда меня забирал, тоже это говорил. На тебя еще все так странно посмотрели.

О да! Можно себе представить. Таких слов школьный гардероб тысяча девятьсот семидесятых наверняка еще не слышал...

– *Gutta cavat lapidem* – это по-латыни, – объясняет Дед. – «Вода камень точит». А полностью так: «Вода камень точит не силой, но частым падением». Это значит: понемножку, понемножку, не силой, но упорством всего можно добиться, и даже камень источить.

– А какой еще язык ты знаешь?

– Еще греческий.

– А ты где их учил? Разве их в школе учат?

– Я учил в духовной семинарии.

– А где есть духовные семинарии?

– Теперь уже почти нигде..., – вздыхает Дед.

И решительно договаривает:

– Да ладно об этом!

В самом деле, сколько их еще осталось? Наверняка кот заплакал...

Но Сережа вновь отвлекает его от грустных мыслей, задав очередной вопрос:

– А что такое «смасть вселенская»? – спрашивает он.

– Все-то ты запоминаешь! – хохочет Дед.

Он проводит Сереже пятерней по лицу и по носу снизу вверх, растрепав при этом волосы.

– А вот это – «смасть всеобщая»! – добавляет он и проводит рукой теперь уже сверху вниз.

Оба смеются. Затем Сережа замолкает на какое-то время и, глядя на Деда, задумчиво замечает:

– А, по-моему, вы с Ильей вроде нормальные.

Дед, который в этот момент делал затяжку, поперхнувшись папиросой, начинает кашлять.

– Дед много курит, и поэтому он так кашляет, – думает Сережа.

И тут он решается, наконец, задать вопрос, который ужасно интересуется его и который давно не дает ему покоя:

– Дед, – спрашивает он, – а как ты zenки наливаешь?

Глава 3: «КТО СИДЕЛ В БОЧКЕ?»

Ну что ты тут будешь делать? Снова – кухня. Так уж выходит, что именно здесь концентрируется все главное, основное, что происходит в доме. Именно вокруг кухни вращается жизнь семьи, тут протекает общение, разворачиваются дискуссии и скандалы. Тут, можно сказать, веет скромным обаянием советской интеллигенции...

Вот и сегодня, хотя в квартире места полно, все набились в кухню. Отец со своим другом и коллегой Анатолием Кашпуром далают квашеную капусту: шинкуют, солят, закладывают в большую кастрюлю килограммов на десять.

И радио тут как тут: сладким, как патока, голосом оно сообщает, что «для наших дорогих радиёслушачоў мы пачынаем канцэрт по заяўках»³. Этот саундтрек сопровождает всё, что делается в доме.

Под это звуковое сопровождение разворачивается действие. Мизансцена такова: Бабка дожаривает беляши, ставит на стол. Все при деле – кончив шинковать, Отец выставляет на стол водку – как же без нее! Мать расставляет тарелки и раскладывает по ним соленые огурцы. Зовут Деда («Без Борис Сергеича? Как можно?») Заглядывает на кухню Вова – один из немногих обитателей этой квартиры, кто на кухню не частит – по большей части, когда бывает дома, он проводит время в своей комнате, благо она у него есть (мечта младших братьев). Все рассаживаются за столом на своих излюбленных и ставших уже традиционными местах. Предстоит... как бы это сказать покультурнее?

...А зачем покультурнее? Предстоит попойка, поддача – называйте, как хотите. Все равно, даже если это мероприятие назвать торжественным приемом или дискуссионным клубом, характер его от этого не изменится. Еще один не слишком частый гость кухни – Саша – называет это «ансамблем песни и пьянки при Госцирке». Кстати, хотя Саши и нет среди присутствующих, это вовсе не означает, что у него отсутствует интерес к подобным посиделкам. Правда, он обычно для этого выбирает другую компанию...

А пока что за большим круглым столом – пятеро: Отец, Мать, Дед, Вова и Кашпур (он тут – свой человек). Повод? Не все ли равно? Разве бывало когда-нибудь, чтоб за этим дело стало? Квашение капусты – отличный повод, ничем не хуже любого другого. Как говорится, была бы причина, а уж повод найдется всегда. Не зря же трудились, старались – 10 кг капусты нашинковать – это вам не фиги воробьям показывать! Шинковали усердно, морально готовились к застолью, предвкушали. И вот, наконец-то! Чичас!

Анатолий Кашпур работает вместе с Отцом. Он – актер и преподаватель сценической речи, давний друг семьи. Выглядит он очень колоритно: в полосатой рубашке, с красной физиономией и огромным животом, он периодически сжимает губы и надувает щеки – такая у него манера. Лицо его излучает полное удовлетворение. Толя – еще и бывший однокурсник Матери по Театральному институту, и кто бы поверил сейчас, глядя на него, что когда-то – в начале пятидесятых – он был тоненьким и изящным, и они с Ириной были лучшими танцорами на курсе и всегда танцевали в первой паре?

---

³ Для наших дорогих радиёслушателей мы начинаем концерт по заявкам. (Бел.)

Дед, как всегда, в углу, тихонько покуривает. Бабка хлопчет вокруг стола. На столе, на почетном месте – в самом центре – висится горка беляшей и стоит водка. Это и есть главные участники представления: с водкой всё ясно, а беляши... Это – фирменное блюдо Бабки, им славится этот дом.

– Марь Степанна, ваши беляши – это произведение искусства! – масляным голосом заявляет Кашпур, откусывая беляш.

Бабка отмахивается – но не так, как обычно, словно отталкивая кого-то от себя – нет! Она явно польщена и довольна похвалой, хоть и слышит ее не впервые. Она, в общем-то, уже привыкла к комплиентам в адрес своей выпечки, особенно беляшей... Но ведь это всегда приятно, тем более что Толя нашел такие хорошие слова: «произведение искусства». Правильно! Не только этот профессор кислых щей занимается тут искусством – искусство, оно разное бывает. И Бабка отмахивается не без кокетства – «ну что ты, ей-богу?»

– Да како там искусство! – скромно возражает она. – Тесто замесила, мясо прокрутила, слепила да пожарила. И всех дел-то!

– Ну, прямо так вот все просто! Это уметь надо! Что ж это у других-то не вкусные получаются?

– У кого не получатся-то? – сразу заинтересовалась Бабка.

– Ну,... – отвечает Кашпур расплывчато. – Вот вы когда-нибудь беляши из кулинарии ели?

– Да какие ж это беляши? – Бабка приходит в ужас. – Комки какие-то! На них и смотреть-то страшно!

– Во сне увидишь, не проснешься, – вставляет Мать.

– А ты чего, во сне беляши видала? Ох, не к добру это!

– Ну, такие беляши – это точно не к добру. Ими и отравиться можно.

– И травятся! – подхватывает Кашпур. – Вот тут недавно Юра...

– Толя, ну не за столом же! – удерживает бывшего сокурсника Мать.

Но Бабка по-прежнему напугана: она убеждена – такие сны добром не кончаются.

– Мам, я пошутила, – успокаивает ее дочь. – Ничего я во сне не видела.

– А я жру зельц из забегаловки, – вступает Отец. – И ни хрена! Я вообще могу гвозди жрать! И действительно однажды гвоздь попал.

– Где? – подыгрывает Кашпур, хотя уже знает продолжение: его все уже знают.

– В зельце.

Мать затягивается «беломориной» и возводит глаза к потолку, а затем, изображая руками киношную «хлопушку», щелкает и громко возглашает:

– Дубль пятидесятый! Прогнали всю сцену еще раз!

Вова раздраженно отворачивается и начинает грызть ноготь. Игнорируя всё это, Отец продолжает:

– Захожу в забегаловку.

– Ну, а куда еще? – комментирует жена. – Ясно, не в филармонию...

Отец раздраженно вскидывается:

– Я, между прочим, в Консерватории на вокале два года занимался! Я классическую оперу, как свои пять пальцев знаю.

В свое время он действительно учился в консерватории – где он только не учился! В то время, в конце сороковых, он был молодым и жадным до знаний, жадным до жизни. Он, в общем-то, и сейчас такой. Но тогда...

Ему всё хотелось перепробовать, охватить. Человек талантливый и неумный, с богатым и еще нерастраченным творческим темпераментом, он занимался одновременно с Театральным институтом еще на отделении вокала в Консерватории и на журфаке в Университете.

А до этого, в конце войны, он, еще семнадцатилетним, успел поучиться в Мореходном училище в Одессе. И кто знает, что было бы с ним дальше, если б он тогда не увидел спектакль Вахтанговского театра «Сирано де Бержерак» с Михаилом Астанговым в заглавной роли? Но он его увидел – и круто поменял свои планы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.